

Партнерство США и стран Африки в борьбе против терроризма при администрациях Дж.У. Буша и Б. Обамы

Даниял Сайгидгусейнович МАГОМЕДОВ

соискатель кафедры политической теории, МГИМО (У) МИД России.

Адрес: 119454, Москва, просп. Вернадского, д. 76.

E-mail: danyalmm1985@gmail.com

ЦИТИРОВАНИЕ: Магомедов Д.С. (2018) Партнерство США и стран Африки в борьбе против терроризма при администрациях Дж.У. Буша и Б. Обамы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 5. С. 164–181. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-164-181

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается взаимодействие стран Африки и США в контексте противостояния глобальному терроризму при администрациях Дж.У. Буша и Б. Обамы. Утверждается, что на рубеже 2010-х гг. повысилась значимость африканского направления в общей контртеррористической политике США ввиду активизации исламистов в странах Западной Африки и нового витка гражданской войны в Сомали. Это привело к усилению военного присутствия и интенсификации отношений с партнерами, на которых американцы и стремились возложить основную борьбу против радикалов. Основными направлениями борьбы с терроризмом стали: оказание технического содействия странам-партнерам по развитию сил специального назначения; выстраивание субрегиональных механизмов по координации контртеррористических действий; активизация сотрудничества в финансовой сфере; проведение отдельных силовых операций, преимущественно силами БПЛА. В итоге именно африканское направление оказалось наиболее успешным воплощением стратегии Б. Обамы, направленной на уменьшение непосред-

ственной вовлеченности в конфликты за рубежом. Несмотря на то, что под влиянием арабской весны и подъема ИГ на Ближнем Востоке в 2011–2014 гг. произошла эскалация насилия в регионе, в целом основные очаги исламистского терроризма к концу 2016 г. удалось купировать. В Сомали, Нигерии и Ливии США опирались на заинтересованные местные силы, ограничив участие координацией действий партнеров, предоставлением разведанных и нанесением отдельных ударов. Французская интервенция в Мали в 2013 г. позволила переложить на европейцев основное бремя борьбы с местными исламистами. Кроме того, Египет, получающий обильную военную помощь от США, не допустил разрастания зоны действий ИГ на Синайском полуострове, однако в полной мере справиться с малочисленным местным отделением не удалось ввиду нестабильности отношений с местными племенами, остающимся неподконтрольными центральному правительству.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: терроризм, исламский радикализм, Боко Харам, контртеррористическая политика, внешняя политика США, Африка

Введение

После событий 11 сентября 2001 г. Дж.У. Буш провозгласил «глобальную войну против террора», которая на протяжении целого десятилетия во многом определяла американскую внешнюю политику. В контексте глобализации и постепенного складывания мировых структур управления США стремились закрепить мировое лидерство за счет определения глобальной повестки дня и формирования образа общего врага. Террористическая угроза легитимировала повышение расходов на национальную безопасность, включая военное строительство, укрепление контроля над мировой инфраструктурой (от инициативы ИБОР до развертывания военных баз) и прямое вмешательство в дела других стран. Различные программы по демократизации, в рамках которых выделялись средства для возвращения прозападных элит в разных странах, теперь позиционировались как меры по упреждению терроризма и условий его возникновения. Не стоит преуменьшать значение различных – пусть и ситуативных – коалиций, как для проведения интервенций в Афганистане, Ираке или Ливии, так и для борьбы с финансированием терроризма: все это также укрепляло американское лидерство. Администрации Дж.У. Буша удалось найти ту идею, которая оказалась позитивно воспринята правительствами многих государств, особенно теми, которые испытывали проблемы с экстремистскими и сепаратистскими движениями, а потому получили возможность представить своих оппонентов как террористов, а себя – участниками глобальной войны против террора.

Мы выбрали более узкий объект исследования, а именно партнерство США и стран «черной Африки» (которые не входят в т.н. «Большой Ближний

Восток» от Марокко до Афганистана) в контексте контртеррористической политики США при администрациях Дж.У. Буша и Б. Обамы. Отечественные исследователи касались данного вопроса только в контексте проблем террористической угрозы на Африканском континенте, однако вне рамок американской контртеррористической стратегии в целом (стоит отметить статьи В.И. Батюка, В. Филиппова, Л.В. Ивановой, Л.Л. Фитуни, И.О. Абрамовой, Е.А. Елькина, Т.Б. Аничкиной, К.В. Мещериной, Т.В. Крюковой, Н.А. Жерлицыной, И.В. Пономарева [Батюк 2007; Иванова 2013; Фитуни, Абрамова 2014; Елькина 2014; Мещерина 2015; Крюкова 2016; Аничкина 2008; Жерлицына 2016; Пономарев 2017]). Отдельно упомянем работы А.Ю. Урнова, который подробно исследовал отношения США и Африки в целом во время администрации Б. Обамы [Урнов (1) 2015; Урнов (2) 2015]. Скорее именно зарубежные, прежде всего американские, исследователи склонны фокусировать внимание на том, как США реагируют на террористическую угрозу в Африке. Прежде всего, стоит выделить доклады аналитиков крупнейшего в мире «think-tank» Rand-Corporation, в которых обобщается информация по борьбе с исламизмом и даются в целом комплементарные оценки американской внешней политике [Jones, Liepman, Chandler 2016; Jones, Dobbins, Byman, Chivvis, Connable, Martini, Robinson, Chandker 2017; Rabasa, Schnaubelt, Chalk, Farah, Midgette, Shatz 2017]. Среди прочих заслуживает внимания Международный институт стратегических исследований, основанный в Британии в 1958 г. и издающий ежегодник *Military balance*. В нем приводятся обзоры как военного строительства всех стран мира, так и различных военных операций, в т.ч. контртеррористических. Однако прекрасный фактологический анализ не сопро-

вождается обобщениями с использованием распространенных в науке о международных отношениях теоретико-методологических подходов. Из обобщающих работ необходимо отметить несколько коллективных монографий, авторы которых сосредоточиваются на итогах американской контртеррористической стратегии в Африке [Rasmussen 2009; Francis 2010; Williams 2015]. Хотя в поле зрения этих авторов – усиление военного присутствия США, все они указывают на недостаточность только «жесткого» подхода, призывая укреплять моральное лидерство, углублять отношения со странами региона и сделать больший упор на гуманитарную составляющую. Пусть и не говоря это напрямую, исследователи склонны считать США глобальной империей, имеющей право вмешиваться во внутренние дела других стран под благовидными гуманитарными предложениями.

Изначально Африка являлась второстепенным фронтом войны против терроризма, ее значение стало повышаться с конца 2000-х гг. при администрации Б. Обамы. Проникновение Аль-Каиды, а затем и Исламского государства на Африканский континент, активизация гражданской войны в Сомали, внутренние конфликты в Мали и Нигерии, рост числа воинственных группировок после событий «арабской весны» – все это требовало более активного силового вовлечения. Не стоит забывать и о значительном росте экономических связей с Африкой в первом десятилетии XXI столетия. Если экспорт (как правило, высокотехнологичных товаров) вырос с 5,6 млрд долл. в 2000 г. до 18,47 млрд долл. в 2009 г., то импорт (преимущественно сырьевые ресурсы) – с 22,2 млрд до 86,05 млрд долл. При этом доля США во внешней торговле африканских стран начала постепенно снижаться из-за роста торговых отношений с Китаем, а потому борьба

за рынки потребовала усиления военно-политических рычагов влияния [Зименков 2011].

Сразу после начала «войны против террора» военная база стала создаваться в Джибути. С 2003 г. она используется для разведки и проведения отдельных операций. Ее значение определялось гражданским конфликтом в Сомали и необходимостью контролировать важные морские коммуникации, идущие через Аденский залив. Следующий этап усиления военного присутствия пришелся на октябрь 2008 г., когда было создано Африканское объединенное командование со штабом в Штутгарте. В его распоряжение передали военноморскую группировку и силы специального реагирования в Джибути. Ввиду активизации исламистов в странах Западной Африки в конце 2017 г. было объявлено о создании второй военной базы на севере Нигера, на которой должны базироваться авиационные подразделения и беспилотные аппараты.

Усиление военного присутствия свидетельствует о повышении значения африканского направления в стратегии национальной безопасности США, которые стремятся играть роль «силового брокера» в регионе. Однако это далеко не всегда означает прямую вовлеченности: проводимая политика, особенно в период администрации Б. Обамы, может послужить прекрасной иллюстрацией принципа *leading from behind*. Ввиду мирового финансового кризиса, кризисных тенденций на Ближнем Востоке и необходимости сокращать расходы на национальную безопасность американцы делали ставку на местных партнеров, оказывая платное содействие в виде поставок вооружения и подготовки войск. Более того, проводимая стратегия, которая неоднократно критиковалась за непоследовательность, балансирует между

двумя подходами, которые активно обсуждаются в самих США: военный (акцент на силовые решения) и мирный (стимулирование развития) [Rasmussen 2009, pp. 6–14]. Более того, в целом американская стратегия соответствует общей динамике отношений между африканскими странами в 1990–2000-е гг., когда местные международные институты стали брать на себя все больше ответственности за поддержание региональной стабильности [Varhola, Sheperd 2013, p. 326]. Мы выделяем два ключевых направления контртеррористической стратегии на африканском континенте: укрепление действующих региональных и государственных институтов и проекция вооруженной силы в случае серьезных гражданских войн.

О трансформации места Африки в контртеррористической стратегии и внутриконтинентальных акцентах можно судить на основе положения этого Континента в докладах о терроризме Государственного департамента США [Country Reports on Terrorism 2005–2018], которые в расширенном формате стали выходить с 2005 г. ежегодно и содержали основную информацию за прошедший год. Так, в «стратегических заключениях» за 2004–2008 гг. основное внимание уделялось борьбе против Аль-Каиды в Афганистане и Ираке. Африканский континент упоминался только в некоторых случаях: во-первых, в контексте гражданской войны в Сомали и Алжире, а во-вторых, в виде общего заключения о росте радикализации местного мусульманского населения. В период администрации Обамы намечаются некоторые изменения: африканское направление фигурирует все чаще, в некоторых случаях происходящее здесь включается в раздел «Основные тенденции», а сама информация становится все более детализированной. Так, в докладе за 2009 г. особо упоминается актив-

ность Аль-Каиды в регионе Сахеля. В последующие два года основное внимание приковано к группировке Аль-Шабаб и успехам борьбы против нее. В 2012 г. внимание сместилось на Западную Африку (кризис в Мали). А в докладе за 2013 г. среди ключевых трендов терроризма Африка вместе с Ближним Востоком попала на второе место ввиду усиления Аль-Каиды и аффилированных с нею групп в этих регионах. В дальнейшем фокус внимания в стратегическом анализе снова сместился на Ближний Восток (ввиду появления Исламского государства), однако стабильно за 2015–2017 гг. отмечались кризисные ситуации в Восточной Африке (Аль-Шабаб) и в районе озера Чад (Бoko Харам).

«Игра на предупреждение»: создание механизмов по предотвращению террористической угрозы в странах Западной Африки

Хотя африканские страны (за возможным исключением Кении и ЮАР) сложно назвать демократическими, это не смущало администрацию Дж.У. Буша в реализации серии программ, направленных на переподготовку местных армейский и полицейских подразделений и создание сил специального назначения по борьбе с терроризмом. Основная цель заключалась в том, чтобы не дать членам Аль-Каиды, изгнанным из Афганистана, обосноваться в этом регионе. В 2002 г. стартовала Транссахарская антитеррористическая программа, направленная на обучение и оснащение пограничных войск Мавритании, Мали, Нигера и Чада. В 2005 г. она была преобразована в Инициативу по борьбе с терроризмом в Сахарском регионе, к ее участникам также присоединились Алжир, Марокко, Тунис, Сене-

гал и Нигерия [Филиппов 2012]. Кроме того, в 2004 г. Буш запустил Программу по обучению и оснащению сил оперативного реагирования африканских государств (African Contingency Operations Training and Assistance), которая в дальнейшем расширилась до Глобальной инициативы по поддержанию мира. Ее цель – обучать и оснащать войска развивающихся стран, чтобы они могли поддерживать порядок и бороться с терроризмом. Сахарский регион до этого никогда не являлся серьезным источником террористической угрозы, а потому можно говорить, что произошла секьюритизация политических контактов США с местными странами. Движателем описанных инициатив являлось Европейское командование, которое ввиду усиления позиций Центрального командования, ответственного за проведение операций в Ираке и Афганистане, искало пути сохранения доминирующих позиций в военной системе США. Так, в 2005 г. была запущена Охранная инициатива в Гвинейском заливе: в течение десяти лет всем десяти прибрежным странам Западной Африки военно-морские силы оказывали содействие в усилении морской безопасности [Rasmussen 2009, p. 9]. Параллельно министерство обороны заключило договоры с Сенегалом, Сан-Томе и Принсипи, Либерией, Ганой, Нигерией, Габонем, Замбией, Намибией и ЮАР, по которым американцы получали доступ к военной инфраструктуре этих стран.

Согласно Докладу о противодействии терроризму за 2009 г., из всех африканских стран (за исключением тех, сотрудничество с которыми развивается в рамках Транссахарского контртеррористического партнерства) наиболее тесное сотрудничество США наладили с Бурунди (подготовка контингентов для операции в Сомали), Эфиопией (тренировка войск, содействие в борьбе с финансированием террориз-

ма), Габонем, Руандой (обучение вооруженных сил), Ганой (подготовка военно-морского флота для борьбы с пиратством), Кенией (обучение армейских частей и оснащение военно-морских сил), Нигерией (оснащение границы, подготовка сил специального назначения) и ЮАР (содействие в разработке мер контртеррористической безопасности в преддверии ЧМ по футболу 2010 г.).

Ввиду активизации исламистов в странах западной и северной Африки и нового витка кризиса в Сомали администрация Б. Обамы приняла дополнительные меры по противодействию терроризму. Так, серьезное внимание было уделено механизмам международной группы по финансам (Financial Action Task Force), которая занимается координацией действий по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма. Под ее эгидой созданы две дополнительные группы в Африке: Восточная и Южная Африканская группа по борьбе с отмыванием денег (ESAAMLG) и Межправительственная оперативная группа по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма (GIABA).

Аналогично США действовали и в регионе Сахары, где произошла определенная трансформация Транссахарского контртеррористического партнерства за счет усиления акцента на выстраивание отношений в духе «помочь другим – помочь самим себе». Глава Бюро по противодействию терроризму в Госдепе Б. Бенджамин в ноябре 2009 г. отмечал, что именно отделение Аль-Каиды в Магрибе (основанное в 2006 г.) представляет постоянную угрозу. В качестве успеха он отметил сужение активности террористов на севере-востоке Алжира, признавая, что в Мавритании и на севере Мали ситуация далека от желаемой. Ключевым механизмом называлось взаимодействие в рамках

Транссахарского контртеррористического партнерства: США координировали выработку общей стратегии противоборства Аль-Каиды между странами региона, а также оказывали техническое и материальное содействие. Более того, стала налаживаться координация между тремя ведомствами, ответственными за проведение программы: Государственным департаментом (публичная дипломатия и содействие реформам), Агентством по международному развитию (гуманитарная помощь населению, улучшение образования и создание рабочих мест) и министерством обороны (переподготовка и переоснащение вооруженных сил). В 2008–2016 гг. приоритетными направлениями стали Нигер, Чад и Буркина-Фасо, Мали и Мавритания. Среди конкретных успехов назывались поражения исламистских групп в Мавритании в 2010–2011 гг., а также участие подготовленной в рамках данного партнерства специальной бригады Чада в операции 2011 г. по освобождению северного Мали от террористов.

Вместе с тем США на протяжении двух администраций Дж.У. Буша втягивались в проблемы военной безопасности на Африканском континенте, о чем свидетельствует выделение специального африканского командования вооруженных сил США (Африком). Это связано с необходимостью непосредственно бороться с терроризмом и укрепить собственное влияние на Африканском континенте, богатом полезными ископаемыми (включая и энергоносители), за которые активную борьбу с 2000-х гг. стал вести Китай. Отметим и важность нефти, поставляемой в 2000-е гг. с африканского континента в США: существовали прогнозы, что в 2015 г. она составит четверть американского импорта. Соответственно, укрепление позиций в Африке рассматривалось как гарантия стабильности

энергетических поставок. Весьма показательно, что в директиве президента о создании Африканского командования вооруженных сил США, указывалось в качестве цели «укрепление наших усилий, направленных на возвращение мира и безопасности народам Африки и продвижение общих целей развития, здравоохранения, образования, демократии и экономического роста на Африканском континенте». Для реализации этой цели выбрана и нетипичная, военно-гражданская структура командования: из четырех заместителей командующего только двое являются военными. Впрочем, само создание командования не привело к увеличению численности военнослужащих: основная задача данной структуры – усилить координацию деятельности военных и гражданских чиновников [Аничкина 2008]. Это вписывалось в общую стратегию военного строительства США, ориентированную на повышение мобильности, гибкости в управлении, а также способности оперативно и одинаково эффективно реагировать на различные угрозы [Батюк 2008]. Отметим, что всего к этому времени на Континенте находилось порядка 3,5 тыс. солдат: 2 тыс. на военной базе в Джибути и 1,5 тыс. на временной основе в других странах [Урнов (1) 2015, с. 3]. Эти цифры наиболее ярко свидетельствуют о нежелании США напрямую быть вовлеченными в конфликты и о стремлении использовать иные инструменты.

Стоит подчеркнуть, что напряженность в этом регионе обусловлена прежде всего перманентным кризисом государственных институтов (Чад, Нигерия, Нигер, Мали, Ливия и Буркина-Фасо), а также продолжающейся гражданской войне в Алжире, который стал источником появления радикальных исламских групп. Свою роль сыграли и народы, оказавшиеся по разные сто-

роны существующих границ: берберы, туареги и канури (последние разделены между Нигерией и Чадом). Экономическая и социальная депривация приводили к росту недовольства, которое становилось этническим, а мобилизация социальный низов эффективно осуществлялась под лозунгами создания независимых государств [Филиппов, Дико 2016]. Это, в свою очередь, оказалось питательной почвой для радикальных исламских идей. При этом в экономическом плане речь шла о борьбе за контроль как над ресурсами, которые относятся к сфере «теневой экономики» и чьи пути поставки в Европу пролегают через эти территории (наркотики и оружие), так и над теми, что добываются на территории этих государств. Если «транзитные» ресурсы фактически монополизированы туарегами, то за местные идет активная борьба, в которую вовлекаются и другие государства [Филиппов 2015, с. 170]. В частности, на территории расселения туарегов и берберов сосредоточено около 1/5 мировых запасов урана. Причем в ходе развернувшегося в конце 2000-х гг. противостояния пострадали интересы не только западных стран, но и прежде всего Китая (именно благодаря его инвестициям происходит добыча урана в Нигере).

Первые попытки исламистов Аль-Каиды проникнуть в этот регион и использовать религиозный фактор были предприняты еще в 2000-е гг. Так, в 2002 г. эмиссар Абу Мухаммед попытался склонить на сторону Аль-Каиды лидера Салафитской группы проповеди и джихада Хасана Хуттаба в Алжире, однако потерпел поражение, а вскоре был убит алжирскими войсками. В 2004 г. Аль-Каида попыталась заручиться поддержкой туарегских племен на севере Мали, однако идеи всемирного джихада не получили популярности у племенной верхушки. Более того,

в 2006 г. произошел очередной виток противостояния между «черным» югом и «арабским» севером, когда туареги атаковали ряд военных учреждений, по итогам скорых переговоров удалось достичь перемирия, а одним из пунктов соглашения стала борьба уже самих туарегов против радикальных исламистов [Филиппов, Дико 2016, с. 283]. В конечном счете исламистские идеи получили популярность лишь у небольшой части местного населения, а с отдельными повстанческими группировками на севере Мали и Нигера удалось справиться либо правительственными силами, либо посредством коалиции с местными государствами. Так, в 2010 г. Алжир, Мали, Нигер и Мавритания учредили совместный военный комитет, под эгидой которого в том же году прошли два успешных рейда против исламистов на севере Мали, а в 2011 г. – на западе страны [Филиппов 2013]. Примечательно, что и достаточно молодое исламистское движение Африки в 2010–2013 гг. претерпело раскол. В основе лежали межэлитные противоречия, а также недовольство африканцев своим подчиненным положением в общей структуре Аль-Каиды [Ouellet, Lacroix-Leclair, Pahlavi 2014, pp. 661–662]. От нее откололись Движение единства и джихада в Западной Африке (появилось в 2011 г., в его состав входят боевики из Мали и Мавритании), а затем Бригада подписавших кровью – Those Who Sign with Blood Brigade (образована в конце 2012 г. алжирцем М. Белмухтаром). В 2013 г. эти две организации создали группировку аль-Мурабитун [Rosato 2016, p. 117].

Более сложная ситуация сложилась в Мали: после поражения режима Каддафи в 2011 г. многие туареги, бывшие на службе у лидера Джамахирии, вернулись обратно в Мали. Гражданская война началась в январе 2012 г., когда туареги стали атаковать и занимать го-

рода на севере страны и провозгласили создание независимого государства Азават. При этом произошла религиозная радикализация. Так, в 2012 г. известный борец за независимость этого народа Айяд аг-Гали образовал группировку Защитников веры (Ансар ад-Дин), которая вступила в тесные связи с представителями более старого сепаратистского Национального движения за освобождение Азавата. В начале 2013 г. образовалась еще одна туарегская исламистская группировка – Исламское движение Азавата. Впрочем, ситуацию с распространением исламизма в регионе удалось сдержать благодаря действиям Франции, которая в рамках операции «Сервал» предприняла интервенцию в Мали; восстание туарегов было подавлено, а единство страны – сохранено [Rosato 2016, p. 117]. К началу 2014 г. исламисты были вытеснены из страны, а невозвратные их потери составили порядка 800 чел. [Мезенцев 2014, с. 22].

На фоне коррупционности и слабости официальных государственных институтов исламистские группировки вступили в тесный контакт с местными властями, племенами и различными военизированными отрядами, которые все вместе пользуются достаточно высокой поддержкой у местного населения. При этом сам ливийский кризис, начавшийся в 2011 г., привел к резкому увеличению в регионе черного рынка оружия, что также способствовало усилению террористической активности. Экономически исламистские группировки опирались на три источника ресурсов: доходы от похищения людей (прежде всего, европейских туристов), контроль над местными ресурсами (взимание подобного рода «налогов» превращало террористов в квази-государственные учреждения), наркоторговлю. Через Западную Африку и страны Сахары пролегает один

из крупнейших путей поставки южноамериканского кокаина в Европу. В течение долгого времени, по утверждению представителей американских государственных учреждений, контроль над поставками осуществлялся ливанской группировкой Хезболла. В конце 2000-х гг., по мере того как Аль-Каида в Магрибе лишилась позиций на юге Алжира (в районе расселения берберов), она также стала претендовать на то, чтобы контролировать наркотрафик. В частности, интерес к данному виду бизнеса, по утверждению американских аналитиков, проявлял упомянутый М. Белмухтар. Возможно, именно поэтому он вышел из Аль-Каиды и основал собственную террористическую группировку Аль-Мурабитун [Rabasa, Schnaubelt, Chalk, Farah, Midgette, Shatz 2017, pp. 117–118].

Непосредственно же действия США были направлены скорее на то, чтобы влиять на ситуацию через официальные государственные и международные структуры региона, что было достаточно сложно ввиду тесной связи местных государственных деятелей с криминальным рынком. В частности, в начале 2010-х гг. была запущена Западно-Африканская инициатива в области безопасности, а в 2014 г. при поддержке Африканского союза – Инициатива в области управления безопасностью, которая объединила Гану, Кению, Мали, Нигер, Нигерию и Тунис. В частности, предполагались различные институциональные реформы, на что США выделили достаточно скромную сумму в 65 млн долл. [Rabasa, Schnaubelt, Chalk, Farah, Midgette, Shatz 2017, p. 107]. В 2013 г. значительные силы были выделены на развитие морской полиции Ганы. Впрочем, возможности США проецировать силу и участвовать в операциях в Западной или Транссахарской Африке оказались весьма ограничены, т.к. ближайшая военная база находится

в Джибути. Особенно серьезно это сказалось в 2014–2015 гг. на эффективности ведения действий против группировки Боко Харам в Нигерии, что заставило США в сентябре 2016 г. анонсировать создание базы для дронов в Нигере [Jones, Dobbins 2017, p.136].

Террористическая угроза и гражданская война в Сомали

Восточная Африка, и прежде всего Сомали, оказалась в центре внимания администрации Дж.У. Буша сразу после объявления глобальной войны против террора. Причина заключалась в близости этого региона к Большому Ближнему Востоку, а также необходимость контролировать транспортные пути через Аденский залив. Отметим, что в 1992–1994 гг. американцы проводили здесь гуманитарную операций, которая окончилась фактической неудачей. Этот печальный опыт заставлял искать иные способы, помимо непосредственной вовлеченности, оказывать воздействие на ситуацию. Прежде всего, акцент был сделан на политическом и экономическом сотрудничестве с Кенией, налаживании взаимодействия в военной сфере [Rasmussen 2009, p. 8]. События 2001 г. и начало глобальной войны с террором заставили несколько пересмотреть подход: уже в 2002 г. совместно с Британией и Францией стали проходить активные аэроразведывательные операции. С 2003 г. в Джибути базируется объединенная специальная боевая группа в районе Африканского Рога, перед которой поставлена задача бороться с ячейками Аль-Каиды и ее сторонниками в Восточной Африке, а именно в Джибути, Эритрее, Эфиопии, Кении, Сомали, Судане и Йемене. На эти силы возложены также задачи гуманитарного характера: поддержание инфраструктуры, снабжение

населения водой, оказание медицинской помощи. После того как в ноябре 2002 г. Аль-Каида совершила теракты в Кении, США и Великобритания направили военно-морские силы для патрулирования морских границ страны. А в 2003 г. для координации усилий американцы запустили специальную программу стоимостью в 100 млн долл., а именно Инициативу по борьбе с терроризмом в Восточной Африке (Джибути, Эритрея, Кения, Танзания и Уганда). Ее задача заключалась в стимулировании тех социальных институтов, которые способствовали бы уменьшению популярности террористических идей среди населения.

В ходе гражданской войны в Сомали американцы сделали ставку на оказание содействия (военного, технического, финансового) партнерам. В борьбе с исламистскими силами значимую роль сыграл экспедиционный корпус Эфиопии: в течение нескольких лет при поддержке США войска проходили специальную подготовку, а затем в 2006–2007 гг. нанесли поражение Союзу исламистских судов, правящему в Сомали. В 2007 г. сюда направлена миротворческая миссия Африканского союза (ММАС), порядка 20 тыс. солдат заняли Могадишо, а также юг и центр страны. Реализация гуманитарных программ осуществлялась через Межгосударственный союз по развитию (Intergovernmental Authority on Development), который объединил Джибути, Эритрею, Сомали, Эфиопию, Кению, Уганду и Судан. Еще при Дж. Буше были начаты программы подготовки специальных сил Уганды и Бурунди; в сентябре 2009 г. примерно 5 тыс. солдат из этих стран пополнили контингент ММАС в Могадишо.

Практически одновременно, в 2008 г., ухудшилась и ситуация с пиратскими нападениями на торговые суда, которые совершали жители Сомали. В

ответ была начата операция «Морской щит» по патрулированию сомалийского побережья. Вскоре к ней присоединились европейцы и флоты других государств, однако, несмотря на прилагаемые усилия, США вместе с союзниками не удалось остановить волну разбойных нападений, которая все возрастала на протяжении 2009–2011 г. [Sub-Saharan Africa 2010, p. 286]. Во многом это было обусловлено крупномасштабной засухой 2010–2012 гг., жертвами которой стали порядка 260 тыс. сомалийцев. Именно экономические причины толкали местных жителей на подобного рода «промысел» [Елькина 2014, с. 26]. В конце 2011 г. в ответ на волну захвата заложников и терактов кенийские войска с юга и эфиопские с севера вторглись в Сомали.

Таким образом, к моменту вступления в должность Б. Обамы ситуация в Африке неминуемо ухудшалась. На фоне активизации контртеррористической борьбы в Афганистане и на Большом Ближнем Востоке возникала опасность, что исламисты попытаются перебраться в африканские страны. Более того, одним из ключевых приоритетов оставалось обеспечение энергетической безопасности, а именно нефтегазовых поставок, которые осуществлялись морским путем из стран Персидского залива через Аденский пролив, в т.ч. вдоль побережья Сомали. В докладе Госдепа по терроризму за 2009 г. отмечались две основные террористические угрозы в Африке: первое место отводилось исламистским группировкам в Сомали, второе – действиям Аль-Каиды в Магрибе, в частности их политике захвата заложников с целью получить выкуп [Country Reports on Terrorism 2010, p. 13].

В итоге значительные средства ушли на подготовку вооруженных сил государств Восточной Африки (в рамках программы «Восточноафриканская

контртеррористическая инициатива»), создание управленческой и тыловой инфраструктуры [Sub-Saharan Africa 2010, p. 289]. В 2009 г. Государственный департамент основал Восточно-Африканское региональное контртеррористическое партнерство в целях развития гражданского сообщества и интенсификации контактов в сфере безопасности.

Наиболее наглядно успех американской контртеррористической стратегии можно рассмотреть на примере Сомали. Здесь достаточно сложная ситуация сложилась после вывода эфиопских сил в 2009 г. и усиления группировки аш-Шабаб. Изначально она являлась военным крылом Совета исламских судов, который в середине 2000-х гг. пытался объединить Сомали и против которого и была направлена эфиопская интервенция. Идеология аш-Шабаб, привлекавшая многих сторонников из социальных низов, базировалась на идеях сомалийского национализма, а ключевым противником являлись эфиопские войска, проводившие при поддержке США операцию по изгнанию из Могадишо Союза исламских судов [Metelits 2016, p. 92]. На первоначальном этапе значительную помощь в финансировании оказывали сомалийские мигранты из европейских и американских стран [Jones, Liepman, Chandler 2016, p. 15]. Нельзя не отметить тесную связь и с представителями Аль-Каиды, причем радикальный исламизм оказался действенным для рекрутинга будущих боевиков из социальных низов [Иванова 2013, с. 23–24]. Переломным стал рубеж 2007–2008 гг., когда во главе группировки оказался Ахмед Мухтар аль-Зубейр, больше известный как Ахмед Абди Годан. Способность преодолевать межклановые противоречия и обеспечивать порядок на захваченной территории добавили популярность аш-Шабабу. В 2008 г. она развернула успешное наступление в южных регионах страны, захватив прибрежные

территории, к ноябрю установив контроль над городом Мерка в 16 км от Могадишо. 2008–2010 гг. стали периодом максимального успеха группировки, которая захватила порядка 1/3 территории страны.

Тактика группы аш-Шабаб заключалась в проведении терактов, направленных против правительства в Могадишо и членов миссии Африканского союза в Сомали. Особым разрушениям подвергались объекты инфраструктуры, которые в условиях уже 20-летнего кризиса было сложно восстановить ввиду отсутствия средств. Финансирование (операционный бюджет составлял порядка 70–100 млн долл.) осуществлялось за счет налогообложения занятых территорий, грабительских нападений, контрабанды (включая продажу сахара и угля). В состав группировки удалось привлечь более 1000 этнических сомалийцев, либо уже эмигрировавших в Европу, либо живших на территории Кении. Успех пропаганды, которая велась и посредством интернета, объяснялся тем, что она была направлена в основном на тех сомалийцев, которые занимали маргинальное социальное положение. Вина возлагалась на «тлетворное» влияние Запада и политику «неоколониализма». Масло в огонь подлили и методы контртеррористической борьбы в самой Кении, которая в 2014 г. развернула активную политику слежки, внесудебных арестов и депортаций, что вызвало сильное раздражение среди местных сомалийцев [Kfir 2017, p. 779].

К 2010 г. аш-Шабаб превратился в исламское квази-государство, при этом росло количество террористических атак не только против центрального правительства и Африканской миссии, но и против соседних государств, прежде всего Эфиопии. С усилением исламистов можно связать и проблему роста пиратских нападений в Аденском заливе. США на этом этапе старались актив-

но не включаться в борьбу внутри Сомали, сделав акцент на вовлечение соседних стран. В частности, при поддержке американцев были подготовлены специальные силы Уганды и Бурунди, развернутые в Могадишо. В ответ аш-Шабаб объявила этим странам джихад и развернула активные террористические операции за рубежом. Наиболее крупным стал теракт в Кении, унесший жизни более 70 человек. Все это способствовало активизации давления на аш-Шабаб со стороны соседних государств при поддержке США. С февраля 2011 г. усиленные войска Африканской миссии в Сомали одержали ряд побед в прибрежной зоне. К августу 2012 г. от исламистов была очищена столица Могадишо, а в сентябре 2012 г. наземную операцию начали и кенийские силы.

На фоне поражений аш-Шабаб попыталась обратиться к более радикальной исламской идеологии. Лидер группировки Годан назвал себя эмиром и объявил всемирный джихад. В феврале 2012 г. он присягнул на верность новому лидеру Аль-Каиды Завахири. Одновременно начались нападения на международные гуманитарные организации, помогавшие местному населению. Все это, однако, привело к ослаблению поддержки группировки среди местного населения и не принесло желаемой помощи от международной сети исламистов. Более того, произошел раскол внутри самого движения. В сентябре 2014 г. в ходе американского авиаудара был убит лидер аш-Шабаб Годан. К концу 2016 г. она лишилась всех наиболее экономически выгодных районов, оказавшись зажатой в равнине реки Нижняя Джуба. Единственным прибрежным городом под ее контролем оставалась Марка [Jones, Liepman, Chandler 2016, p. 32].

Безусловно, отказ США от непосредственного вмешательства был весьма удачным решением, поскольку развертывание военной операции при-

вело бы к росту антиамериканских, исламистских и джихадистских настроений. Вместо этого Америка сосредоточилась на оказании помощи силам Африканской миссии в Сомали, а также вовлеченным в противостояние соседним странам. Речь шла прежде всего об обучении, снабжении (боевом и небоевом), предоставлении разведанных, а также об оказании содействия в управлении войсками и проведении операций. Не без поддержки США в феврале 2012 г. Совбез ООН расширил полномочия Африканской миссии за пределы собственно Могадишо¹. Не будет преувеличением сказать, что США стояли практически за всеми успехами созданной коалиции.

Адаптированная стратегия США подразумевала использование авиации и дронов для нанесения точечных ударов, а также проведение спецопераций против отдельных подразделений исламистов. Высокий уровень взаимодействия с наземными войсками позволял американцам увеличивать эффективность и точность атак с воздуха. Так, в отличие от ситуации в Ираке или Афганистане, плоды дала политика по уничтожению основных военных и политических лидеров аш-Шабаб. Ликвидация осуществлялась непосредственно во время проведения наземных наступательных операций, что приводило к дополнительной дезорганизации в управлении [Jones, Liepman, Chandler 2016, p. 50]. В 2015 г. только американскими ударами с воздуха были уничтожены более 100 высокопоставленных членов группировки². Другое направление борьбы с терроризмом заключалось в противодействии ради-

кализации сомалийцев, эмигрировавших в США. Здесь проживает порядка 46 тыс. выходцев из этого государства, причем в 2007–2008 гг. несколько десятков молодых людей вернулись в Сомали, чтобы присоединиться к аш-Шабаб. Это было связано с тотальной бедностью сомалийцев. Отсюда основные меры предполагали социальную и экономическую поддержку, причем, по мнению экспертов, уже к 2012 г. они достигли успеха [Kfir 2017, p. 781]. Отметим, что с начала активной фазы наземных боев против аш-Шабаб в 2011 г. резко снизилось количество успешных нападений пиратов на торговые суда в Аденском заливе, а с 2012 г. они прекратились вовсе (что позволило НАТО завершить операцию по патрулированию в конце 2015 г.). Впрочем, не будем забывать, что определенную роль здесь сыграли частные военные корпорации, которые самостоятельно обеспечивали безопасность частных судов.

Борьба против африканских отделений Исламского государства

События арабской весны, ослабившие государственные институты Ливии, Туниса и Египта, открыли «коридор возможностей» для радикальных исламистов, чем воспользовались представители Исламского государства. Одной из первых стала Ливия, где после свержения режима М. Каддафи не удалось стабилизировать ситуацию, а гражданская война по-прежнему шла между западными и восточными регионами, в частности между центральным

1 "Resolution 2036," S/RES/2036 (2012) // United Nations Security Council, February 22, 2012 // <https://www.government.se/globalassets/regeringen/dokument/utrikesdepartementet/sanktionspdfer/somalia/08fn-resolution-2036-2012.pdf>, дата обращения 12.10.2018.

2 "Statement from Pentagon Press Secretary Peter Cook on December 2 Airstrike in Somalia". Release No: NR-462-15 (2015) // U.S. Department of Defense, December 7, 2015.

правительством в Триполи и группировкой генерала Х. Хифтара. В апреле 2014 г. игиловцы обосновались в прибрежном городе Дерна, а уже к концу года сумели захватить власть в Сирте (бывший родной город Каддафи, племенная верхушка которого после его свержения утратила влияние на политические процессы в стране). Исламисты опирались на местные кланы, хотя среди боевиков были представители многих других африканских стран. В 2015 г. участились нападения на военную инфраструктуру, более того, боевики стремились захватить ливийские нефтяные ресурсы и раскачать ситуацию в Тунисе. Американцы предпочли в борьбе против игиловцев опереться на ополчение города Мисрата, предоставив летом и осенью 2016 г. серьезную военную помощь и содействие. Это привело к тому, что к началу 2017 г. Сирт фактически был освобожден от исламистов, а сами они лишились контроля над какой-либо территорией [Jones, Dobbins 2017, pp. 112–113].

Примерно этой же стратегии придерживались США в борьбе против ячейки ИГ на Синайском полуострове. Здесь она появилась в 2014 г., насчитывала порядка тысячи бойцов и занимала небольшую прибрежную территорию у границы с Сектором Газа. Фактически деятельность игиловцев, опиравшихся на местные племена, ограничивалась проведением отдельных нападений на Израиль или подготовкой терактов (наиболее громкий – подрыв российского пассажирского самолета в 2015 г.). Поскольку серьезной угрозы эта ячейка не представляла, американцы ограничились давлением на официальные власти Египта, увязав предоставление ежегодной военной помощи с активизацией борьбы против ИГ на Синайском полуострове. Впрочем, сами египетские военные, проявлявшие излишнюю жесткость в проведении контртеррористиче-

ских операций, к концу 2016 г. не сумели добиться значительного успеха; как отмечали эксперты, летом 2016 г. количество нападений, совершенных игиловцами, даже увеличилось [Jones, Dobbins 2017, pp.143–146].

Третьим регионом на Африканском континенте, где поддержку получило ИГ, стала Нигерия. Речь идет о местной группировке Боко Харам, которая в 2015 г. на фоне поражений объявила о верности Аль-Багдади. Сама Боко Харам основана в 2000-х гг. на северо-востоке страны, ее опорой стал этнос канури, а идеология представляла собой смесь исламизма и местных националистических настроений (в их основе лежала память о халифате Сокоту) [Pieri, Zenn 2016, pp. 74–75]. Первые группировка активизировалась в конце 2000-х гг., однако в 2009 г. правительственные силы нанесли ей серьезный урон. Усиление Боко Харам произошло в 2013–2014 гг., когда от партизанских действий она перешла к тактике захвата территории, а сами ее лидеры в большей степени стали опираться на радикальный ислам [Jones, Dobbins 2017, pp.125–130]. Более того, сфера ее деятельности распространилась и на сопредельные страны (Камерун, Нигер и Чад), где также проживают представители этноса канури.

Для борьбы с группировкой в марте 2014 г. при поддержке США были созданы международные силы специального назначения (штаб в Нджамене). Они в основном состояли из войска Нигерии и Чада, однако включали отдельные подразделения Нигера, Бенина и Камеруна. Официальный Вашингтон прежде всего оказывал помощь во взаимодействии и координации, а также в разработке операций. Однако несмотря на это быстрого успеха достичь не удалось, особенно ввиду отсутствия достаточных разведанных [Rabasa, Schnaubelt, Chalk, Farah, Midg-

ette, Shatz 2016, p. 135]. Положительным фактором стал приход к власти в Нигерии М. Бухари в 2015 г., после чего активизировалось американо-нигерийское сотрудничество в военной сфере. В общей сложности США потратили порядка 400 млн долл. на борьбу с Боко Харам. Кроме того, в 2015 г. около 300 американских солдат были направлены в Камерун для оказания содействия в проводимых операциях [Крюкова 2016, с. 58]. Другое направление стратегии заключалось в том, чтобы поддерживать создание местных народных ополчений, которые бы также давали силовой отпор исламистам. Эта стратегия дала свои плоды, когда к концу 2016 г. Боко Харам потерпела серьезное поражение, потеряв 2/3 контролируемых территорий (с 18 до 6 тыс. кв. км).

Таким образом, можно говорить о том, что именно африканское направление оказалось наиболее успешным примером воплощения стратегии, направленной на снижение непосредственной вовлеченности в силовые конфликты. Несмотря на то что под влиянием арабской весны и подъема ИГ на Ближнем Востоке в 2011–2014 гг. произошла определенная эскалация насилия в регионе, в целом основные очаги исламистского терроризма к концу 2016 г. удалось купировать. В Сомали, Нигерии и Ливии США опирались на заинтересованные местные силы, ограничив свое участие координацией, предоставлением разведданных и нанесением отдельных ударов. Французская интервенция в Мали в 2013 г. позволила переложить на европейцев основное бремя борьбы с местными исламистами. Кроме того, Египет, получающий обильную военную помощь от США, не допустил разрастания зоны действий ИГ на Синайском полуострове, однако в полной мере справиться с малочисленным местным отделением не удалось ввиду нестабильности отношений с местными племенами, оста-

ющимися неподконтрольными центральному правительству. Вместе с тем развитие ситуации в Западной Африке заставило США расширить собственное присутствие в регионе – договориться с Нигером о создании собственной базы.

Список литературы

Аничкина Т.Б. (2008) Африком – новое региональное командование ВС США // Россия и Америка в XXI веке. № 2 // <http://www.rusus.ru/?act=read&id=85>, дата обращения 12.10.2018.

Батюк В.И. (2007) Военная политика США: региональные аспекты // Россия и Америка в XXI веке. № 3 // <http://www.rusus.ru/?act=read&id=56>, дата обращения 12.10.2018.

Елькина Е.А. (2014) Конец пиратства или просто пауза? // Азия и Африка сегодня. № 1. С. 26–29.

Жерлицына Н.А. (2016) Северная Африка под прицелом терроризма // Азия и Африка сегодня. № 9. С. 6–11.

Зименков Р.И. (2011) Торгово-экономические отношения между США и Африкой // Россия и Америка в XXI веке. № 1 // <http://www.rusus.ru/?act=read&id=240>, дата обращения 12.10.2018.

Иванова Л.В. (2013) «Аш-Шабаб» в Сомали: надежда на мир или угроза миру? // Азия и Африка сегодня. № 12. С. 23–26.

Крюкова Т.В. (2016) Африканская сеть ИГ: «Боко Харам» // Азия и Африка сегодня. № 12. С. 55–60.

Мезенцев С.В. (2014) Внутренние и международные аспекты кризиса в Мали и французская операция «Сервал» // Вестник Московского ун-та. Сер. 25. Междунар. отношения и мировая политика. № 1. С. 3–28.

Мещерина К.В. (2015) «В состоянии войны»: борьба с терроризмом в север-

ном Синае // *Азия и Африка сегодня*. № 12. С. 26–31.

Пономарев И.В. (2017) *Борьба с террором в условиях информационной войны: опыт Кении // Азия и Африка сегодня*. № 6. С. 25–31.

Урнов А.Ю. (1) (2015) *Саммит США – Африка // Азия и Африка сегодня*. № 1. С. 2–7.

Урнов А.Ю. (2) (2015) *США – Африка: политика администрации Б. Обамы. 2009–2014 годы*. М.: Ин-т Африки РАН.

Филиппов В. (2012) *Путч в Мали: причины и последствия // Российский совет по междунар. делам // <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/putch-v-mali-prichiny-i-posledstviya/>, дата обращения 12.10.2018.*

Филиппов В.Р. (2013) *Мали: битва за уран // Мировая политика*. № 2. С. 1–47 // http://e-notabene.ru/wi/article_773.html, дата обращения 12.10.2018

Филиппов В.Р. (2015) *Трансграничные взаимодействия в Африке // Дневник АШПИ*. № 31. С. 167–170.

Филиппов В.Р., Дико Э.Т. (2016) *Мали на пути к национальному единству // Тишков В.А., Филиппова Е.И. (ред.) Культурная сложность современных наций*. М.: Полит. энциклопедия. С. 274–294.

Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. (2014) *Агрессивные негосударственные участники геостратегического соперничества в «исламской Африке» // Азия и Африка сегодня*. № 12. С. 8–15.

Country Reports on Terrorism 2004–2017 (2005–2018) // U.S. Department of State, Washington // <https://www.state.gov/j/ct/rls/crt/>, дата обращения 12.10.2018.

Francis D. (ed.) (2010) *U.S. Strategy in Africa: AFRICOM, Terrorism, and Security Challenges*, Oxford, U.K.: Routledge.

Jones S., Dobbins J., Byman D., Chivvis C., Connable B., Martini J., Robinson E.,

Chandker N. (2017) *Rolling Back the Islamic State*, Santa Monica, CA: Rand Corporation.

Jones S.G., Liepman A., Chandler N. (2016) *Counterterrorism and Counterinsurgency in Somali. Assessing Campaign against al-Shabaab*, Santa Monica, CA: Rand Corporation.

Kfir I. (2017) *Al-Shabaab, Social Identity Group, Human (In)Security, and Counterterrorism // Studies in Conflict & Terrorism*, vol. 40, no 9, pp. 772–789.

Metelits C. (2016) *Challenging U.S. Security Assessments of Africa // African Security*, vol. 9, no 2, pp. 89–109.

Ouellet E., Lacroix-Leclair J., Pahlavi P. (2014) *Institutionalization of al-Qaida in the Islamic Maghreb // Terrorism and Political Violence*, vol. 26, no 4, pp. 650–665.

Pieri Z., Zenn J. (2016) *The Boko Haram Paradox: Ethnicity, Religion, and Historical Memory in Pursuit of a Caliphate // African Security*, vol. 9, no 1, pp. 66–88.

Rabasa A., Schnaubelt C.M., Chalk P., Farah D., Midgette G., Shatz H.J. (2017) *Counternetwork: Coutering the Expansion of Transnational Criminal Networks*, Santa Monica, CA: Rand Corporation.

Rasmussen G.H. (ed.) (2009) *U.S. Counter Terrorism Efforts in Africa*, N.Y.: Nova Science Publishers.

Rosato V. (2016) “Hybrid Orders” between Terrorism and Organized Crime: The Case of Al Qaeda in the Islamic Maghreb // *African Security*, vol. 9, no 2, pp. 1–26.

Sub-Saharan Africa (2010) // *The Military Balance*, vol. 110, no 1, pp. 283–334.

Varhola L., Sheperd T. (2013) *Africa and the United States – A Military Perspective // American Foreign Policy Interests*, vol. 35, no 6, pp. 325–332.

Williams P. (2015) *Enhancing U.S. Support for Peace Operations in Africa*, New York: Council on Foreign Relations, Center for Preventive Action.

Partnership of the USA and African Countries in the Fight Against Terrorism under the Administrations of J.W. Bush and Barack Obama

Daniyal S. MAGOMEDOV

Applicant of the Department of Political Theory, MGIMO (U) Ministry of Foreign Affairs of Russia. Address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation. E-mail: danyalmm1985@gmail.com

CITATION: Magomedov D.S. (2018) Partnership of the USA and African Countries in the Fight Against Terrorism (under the Administrations of J.W. Bush and Barack Obama). *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 5, pp. 164–181 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-164-181

ABSTRACT. *The article examines the place of African countries in the US counter-terrorism strategy under the administrations of G.W. Bush and B. Obama. It is alleged that at the turn of the 2010-s the significance of this trend has increased due to the intensification of Islamists in the countries of West Africa and the new round of the civil war in Somalia. This led to an intensification of the military presence and tightened cooperation with the allies, on which the Americans also sought to entrust the main struggle against the radicals. There are several directions of counterterrorism policy: the provision of technical assistance to partner countries for the development of special forces; the building of subregional mechanisms for coordinating counter-terrorism actions; intensification of cooperation in the financial sphere; carrying out separate military operations, mainly by UAV forces. In the end, it was the African direction that turned out to be the most successful example of Obama's "leading from the behind" strategy. Despite the fact that under the influence of the Arab Spring and the rise of the ISIS in the Middle East in 2011-2014, there was an escalation of violence in the region, in general, the main goals of combating Islamist terror-*

ism by the end of 2016 were achieved by the USA. In Somalia, Nigeria and Libya, Americans relied on the local forces concerned, restricting participation by coordinating allies, providing intelligence and striking individual blows. The French intervention in Mali in 2013 enabled the Europeans to shift the main burden of fighting local Islamists. In addition, Egypt, receiving abundant military assistance from the United States, did not allow the expansion of the ISIS's zone of operations in the Sinai Peninsula, but it was not possible to fully cope with the small local branch due to the instability of relations with local tribes that remain outside the control of the central government.

KEY WORDS: *terrorism, Islamic radicalism, Boko Haram, counter-terrorism policy, US foreign policy, Africa*

References

Anichkina T.B. (2008) Afrikom – no-voe regional'noe komandovanie VS SSHA [AFRICOM, a New Regional Command of the U.S. Armed Forces]. *Rossiya i Amerika v XXI veke*, no 2. Available

at: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=85>, accessed 12.10.2018.

Batyuk V.I. (2007) Voennaya politika SSHA: regional'nye aspekty [U.S. Military Policy: Regional Aspects]. *Rossiya i Amerika v XXI veke*, no 3. Available at: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=56>, accessed 12.10.2018.

Country Reports on Terrorism 2004–2017 (2005–2018). *U.S. Department of State*, Washington. Available at: <https://www.state.gov/j/ct/rls/crt/>, accessed 12.10.2018.

El'kina E.A. (2014) Konets piratstva ili prosto pauza? [End of Piracy or Just a Pause?]. *Asia and Africa today*, no 1, pp. 26–29.

Filippov V. (2012) Putsch v Mali: prichiny i posledstviya [Coup d'États in Mali: Causes and Consequences]. *The Russian International Affairs Council*. Available at: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/putch-v-mali-prichiny-i-posledstviya/>, accessed 12.10.2018.

Filippov V.R. (2013) Mali: bitva za uran [Mali, the Battle for Uranus]. *Mirovaya politika*, no 2, pp. 1–47. Available at: http://e-notabene.ru/wi/article_773.html, accessed 12.10.2018.

Filippov V.R. (2015) Transgranichnye vzaimodejstviya v Afrike [Cross-border Interactions in Africa]. *Dnevnik ASHPI*, no 31, pp. 167–170.

Filippov V.R., Diko E.T. (2016) Mali na puti k natsional'nomu edinstvu [Mali Is on the Way to National Unity]. *Kul'turnaya slozhnost' sovremennykh natsij* [The Cultural Complexity of Modern Nations] (eds. Tishkov V.A., Filippova E.I.), Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, pp. 274–294.

Fituni L.L., Abramova I.O. (2014) Agressivnye negosudarstvennye uchastniki geostrategicheskogo sopernichestva v «islamskoj Afrike» [Aggressive Non-State Actors in Geostrategic Rivalry in “Islamic Africa”]. *Asia and Africa today*, no 12, pp. 8–15.

Ivanova L.V. (2013) «Ash-Shabab» v Somali: nadezhda na mir ili ugroza miru?

[Is Al-Shabab in Somalia: a Hope for Peace or a Threat to Peace?]. *Asia and Africa today*, no 12, pp. 23–26.

Francis D. (ed.) (2010) *U.S. Strategy in Africa: AFRICOM, Terrorism, and Security Challenges*, Oxford, U.K.: Routledge.

Jones S., Dobbins J., Byman D., Chivvis C., Connable B., Martini J., Robinson E., Chandker N. (2017) *Rolling Back the Islamic State*, Santa Monica, CA: Rand Coporation.

Jones S.G., Liepman A., Chandler N. (2016) *Counterterrorism and Counterinsurgency in Somali. Assessing Campaign against al-Shabaab*, Santa Monica, CA: Rand Corporation.

Kfir I. (2017) Al-Shabaab, Social Identity Group, Human (In)Security, and Counterterrorism. *Studies in Conflict & Terrorism*, vol. 40, no 9, pp. 772–789.

Kryukova T.V. (2016) Afrikanskaya set' IG: «Boko Kharam» [African Network of ISIS: “Boko Haram”]. *Asia and Africa today*, no 12, pp. 55–60.

Meshcherina K.V. (2015) «V sostoyanii vojny»: bor'ba s terrorizmom v severnom Sinae [“In a State of War”: the Fight Against Terrorism in Northern Sinai]. *Asia and Africa today*, no 12, pp. 26–31.

Metelits C. (2016) Challenging U.S. Security Assessments of Africa. *African Security*, vol. 9, no 2, pp. 89–109.

Mezentsev S.V. (2014) Vnutrennie i mezhdunarodnye aspekty krizisa v Mali i frantsuzskaya operatsiya «Serval» [Internal and International Aspects of the Crisis in Mali and the French Operation “Serval”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, no 1, pp. 3–28.

Ouellet E., Lacroix-Leclair J., Pahlavi P. (2014) Institutionalization of al-Qaida in the Islamic Maghreb. *Terrorism and Political Violence*, vol. 26, no 4, pp. 650–665.

Pieri Z., Zenn J. (2016) The Boko Haram Paradox: Ethnicity, Religion, and Historical Memory in Pursuit of a Caliphate. *African Security*, vol. 9, no 1, pp. 66–88.

Ponomarev I.V. (2017) Bor'ba s terrorom v usloviyakh informatsionnoj vojny: opyt Kenii [The Fight against Terror in the Information War: the Experience of Kenya]. *Asia and Africa today*, no 6, pp. 25–31.

Rabasa A., Schnaubelt C.M., Chalk P., Farah D., Midgette G., Shatz H.J. (2017) *Counternetwork: Coutering the Expansion of Transnational Criminal Networks*, Santa Monica, CA: Rand Corporation.

Rasmussen G.H. (ed.) (2009) *U.S. Counter Terrorism Efforts in Africa*, N.Y.: Nova Science Publishers.

Rosato V. (2016) “Hybrid Orders” between Terrorism and Organized Crime: The Case of Al Qaeda in the Islamic Maghreb. *African Security*, vol. 9, no 2, pp. 1–26.

Sub-Saharan Africa (2010). *The Military Balance*, vol. 110, no 1, pp. 283–334.

Urnov A.Yu. (1) (2015) Sammit SSHA – Afrika [Summit USA – Africa]. *Asia and Africa today*, no 1, pp. 2–7.

Urnov A.Yu. (2) (2015) *SSHA–Afrika: politika administratsii B. Obamy. 2009–*

2014 gody [USA–Africa: ObamaAdministration Policy. 2009–2014], Moscow: Institute for African Studies RAS.

Varhola L., Sheperd T. (2013) Africa and the United States – A Military Perspective. *American Foreign Policy Interests*, vol. 35, no 6, pp. 325–332.

Williams P. (2015) *Enhancing U.S. Support for Peace Operations in Africa*, New York: Council on Foreign Relations, Center for Preventive Action.

Zherlitsyna N.A. (2016) Severnaya Afrika pod pritselom terrorizma [North Africa at the Sight of Terrorism of Asia and Africa Today]. *Asia and Africa today*, no 9, pp. 6–11.

Zimenkov R.I. (2011) Torgovo-ekonomicheskie otnosheniya mezhdou SSHA i Afrikoj [Trade and Economic Relations between the USA and Africa]. *Rossiya i Amerika v XXI veke*, no 1. Available: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=240>, accessed 12.10.2018.